

ПРАВА СУБЪЕКТОВ ДАННЫХ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ НАРУШЕНИЕ*

Сергей Светлов,

магистрант программы «Частное право»

Балтийской Международной академии,

Латвия

Abstract

With the development of information technology, data processing tools for individuals are increasingly used in various areas of life. Their accessibility and simplicity in circulation lead to more and more mass application of technologies in the lives of individuals, organizations, and society. Personal data of individuals are subject to turnover, inevitably there is a need to protect the carriers of this data from using the information received against their rights and interests. Despite the urgency of the problem, the concept of the subject of protection does not have a clear definition, as a result, the participants in legal relations will seek to interpret it depending on their needs. The law determines the administrative responsibility for the violation of the processing of data of individuals, but does not provide for special mechanisms for compensation for the damage caused. Consequently, there is an urgent need to specify the norms related to the protection of these individuals.

Keywords: data processing of individuals, privacy, administrative responsibility, civil liability.

* Результаты исследования представлены в докладе на Международной научно-практической конференции «ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК. БЕЗОПАСНОСТЬ. 2018», состоявшейся 27–28 апреля 2018 года в Риге. Организаторы конференции: Балтийская Международная академия, общественная организация Society for Baltic Security, Юридический факультет Рижского Университета имени Страдыня

Введение

Научный прогресс привёл к интенсивному развитию информационных технологий, непрерывно появляются всё новые устройства для сбора, хранения и обработки информации, они становятся проще в обращении и всё доступнее для самого широкого круга пользователей. Сетевые технологии позволяют распространять и получать всё большие массивы данных. На сегодняшний день видеокамеры стали частью нашей повседневной жизни, они доступны любому желающему, их можно приобрести в любом магазине компьютерной техники, даже в супермаркете, заказать в интернете. Практически в любом современном телефоне есть камеры, позволяющие записывать видео в высоком разрешении, диктофоны для записи аудио, носители данных, позволяющие хранить значительные объёмы информации. Развитие технологии передачи данных позволяет удалённо записывать и транслировать видео- и аудиозаписи, не имея для этого никакой специальной технической подготовки. Каждый желающий имеет возможность абсолютно свободно и недорого приобрести необходимое оборудование, программное обеспечение и начать вести видеонаблюдение, аудиозапись, транслировать информацию для самой широкой аудитории. Цели видеонаблюдения могут быть совершенно различными – изучение дикой природы, наблюдение за дорожным трафиком, контроль за ситуацией в своём доме, обеспечение безопасности и предотвращение краж на производстве. Информация может собираться для научных и статистических целей, как элемент творческого процесса в искусстве, в целях формирования баз данных для коммерческого использования.

Целью этой статьи является выяснить, каким образом в научной литературе, нормативно-правовых актах и правоприменительной практике определяется предмет защищаемого законом права на неприкосновенность частной жизни, учитывается ли причинённый или потенциальный моральный вред и материальный ущерб при определении ответственности за нарушение этого права. Задача статьи – исследовать литературные источники, посвящённые защите персональных данных, нормативные акты, регулирующие соответствующие правоотношения, судебную практику,

связанную с нарушениями в области обработки персональных данных. При анализе источников использовался формально-юридический метод исследования. Объект исследования – интересы субъектов данных на защиту своих прав, предмет – нормы права, регулирующие защиту персональных данных и определяющие ответственность за их нарушение.

Во время исследования проблемы были рассмотрены работы латвийских авторов Дарьи Шмите (*Darja Šmite*), Дайниса Досбергса (*Dainis Dosbergs*), Юриса Борзова (*Juris Borzovs*), Мариса Рукерса (*Māris Ruķers*), а также работа профессора права Брюссельского университета Глории Гонсалес Фустер (*Gloria Gonzalez Fuster*), монография американского профессора права из Университета Джорджа Вашингтона Дэниэла Солова (*Daniel J. Solove*), были учтены публикации российских авторов В.А. Копылова и И.Л. Бачило, проанализированы международные нормативные акты, законы и подзаконные акты Латвийской Республики, регулирующие обработку данных физических лиц.

Понятие права на неприкосновенность частной жизни

Чтобы ответить на поставленные в статье вопросы, первым делом следует определить, что именно защищается нормативными актами, регулиющими защиту данных физических лиц, каков предмет защиты.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на такой важный акт международного права, как Всеобщая декларация прав человека¹, принятая Генеральной ассамблеей Организации Объединённых Наций 10 декабря 1948 года. К защите данных физических лиц имеет непосредственное отношение 12-я статья этого документа, которая гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». Аналогичное нормативное регулирование было воспроизведено в 17-й статье Международного пакта о гражданских и политических правах², принятого 16 декабря 1966 года. Латвийская Республика присоединилась к упомянутым выше международным договорам

в 1990 году с провозглашением Декларации Верховного совета о присоединении Латвийской Республики к международным правовым документам в области прав человека³.

Регулирование отношений в области защиты данных физических лиц также включено в Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод⁴, которая была принята в 1950 году. 8-я статья данной конвенции называется «Право на уважение частной и семейной жизни» и гласит: «Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

10-я статья упомянутой Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод дополнительно провозглашает свободу слова, выражения своего мнения. Косвенно эти понятия также можно отнести к основным правам, которые могут быть нарушены в результате недобросовестной обработки данных физических лиц. Опираясь на приведённые документы, можно сделать вывод, что в основе защиты данных физических лиц лежат две основные свободы – свобода на выражение собственных взглядов и убеждений и право на неприкосновенность частной жизни, точнее, баланс этих двух основных свобод⁵.

Нормативные акты, регулирующие защиту данных физических лиц, существуют также и на уровне Европейского союза. 39-я статья Договора о Европейском союзе предусматривает, что Европейский Совет принимает решение, устанавливающее правила о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных государствами-членами и о свободном перемещении таких данных⁶. В свою очередь в 8-й статье Хартии Европейского союза об основных правах говорится, что каждый человек имеет право на защиту относящихся к нему данных личного характера. Обработка подобных данных должна производиться без манипуляций, в четко определенных целях,

с согласия заинтересованного лица либо при наличии других правомерных оснований, предусмотренных законом. Каждый человек имеет право на получение доступа к собранным в отношении него данным и право на устранение в них ошибок⁷.

На национальном уровне в Латвийской Республике этот вопрос регулируется нормами Закона о защите данных физических лиц⁸. Этот закон, при помощи которого в национальную правовую систему Латвии были включены нормы Директивы Европейского парламента и Совета 94/46/ЕК о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных⁹, оговаривает, что защищаемыми данными является любая информация, которая относится к конкретному физическому лицу, и по которой это лицо может быть идентифицировано. При этом следует иметь в виду и цель закона, которая определяется в 1-й статье – обеспечить основные права и свободы физических лиц, прежде всего это относится к неприкосновенности частной жизни. К сожалению, приведённые нормы возможно трактовать настолько широко, что под это определение можно подвести практически любые данные о физическом лице и даже упоминание о существовании самих данных. Подобная неопределённость мешает субъектам права с уверенностью осуществлять свою деятельность, чётко понимая последствия своих действий в той или иной ситуации.

С 25 мая 2018 года Директива 94/46/ЕК утратила силу, с этого момента защита персональных данных регулируется другим нормативным актом - Регламент Европейского парламента и Совета 2016/679, принятый 27 апреля 2016 года О защите данных физических лиц и свободном обращении этих данных¹⁰ (далее – Регламент). Закон Латвийской Республики О защите данных физических лиц продолжил своё действие до 4 июля 2018 года, регулируя защиту персональных данных в Латвии, насколько это не противоречило Регламенту. С 5 июля 2018 года в Латвии действует изданный на основании Регламента Закон об обработке данных физических лиц¹¹. Регламент действует на всей территории Европейского союза, обеспечивая единое регулирование процедуры обработки персональных данных.

В Законе «О защите данных физических лиц» существовало специальное регулирование, которое относилось к так называемым чувствительным данным (latv. -sensitīvi personas

dati), обработка которых была связана с серьёзным вторжением в частную жизнь – расовая и этническая принадлежность, вероисповедание, данные о философских и политических убеждениях, информация о состоянии здоровья и сексуальной жизни человека. Сам факт выделения подобной категории данных свидетельствует, что законодатель на определённом этапе стремился ввести градацию персональных данных, законодательно выделить случаи, когда нарушение права на частную жизнь может вызвать особо серьёзные последствия. В 9-й статье Регламента для этой категории также предусмотрен особый режим регулирования. Хотя в 51-м пункте преамбулы Регламента есть указание, что государства-участники могут предусмотреть для этой категории данных специальное регулирование в национальных нормативных актах, в Латвии особый режим обработки для чувствительной информации и специальная ответственность за его нарушение в проекте нового закона об обработке данных не предусматривались¹², в принятом законе они также отсутствуют.

Подобно предшествующим документам этот Регламент определяет предмет и цель регулирования следующим образом: Регламент призван защищать основные права и свободы физических лиц, в особенности право лиц на защиту их персональных данных. Под персональными данными Регламент понимает любую информацию, которая относится к конкретному идентифицируемому физическому лицу, например, имя лица, его фамилия, идентификационный номер, данные о местонахождении, различные факторы, идентифицирующие лицо по физическим, физиологическим, генетическим, духовным, экономическим, культурным или социальным особенностям. В свою очередь под обработкой понимается любая деятельность, выполняемая как при помощи автоматизированных средств, так и без них, например, сбор, регистрация, организация, структурирование, хранение, изменение, получение, отправка, распространение, ограничение и уничтожение.

Анализируя рассмотренные выше документы, можно заключить, что предметом защиты нормативных актов о защите данных физических лиц являются закреплённые в актах международного и национального права основные

права и свободы физических лиц, и прежде всего право неприкосновенность частной жизни. Именно ради защиты этого права создавались и принимались международные конвенции, разрабатывались наднациональные и национальные правовые механизмы регулирования отношений, связанных с получением, обработкой, хранением и последующим использованием данных физических лиц. Но что же всё-таки представляет собой это право, как его можно определить?

Право на частную жизнь считается одним из фундаментальных прав человека. На его базе развиваются такие понятия, как человеческое достоинство, свобода объединений, свобода слова. Практически в каждой стране право на неприкосновенность частной жизни закреплено в конституции.

Вместе с тем, несмотря на всю важность этого права, оно является наиболее сложным предметом для точного определения, поскольку его состав может существенно меняться в зависимости от контекста конкретной ситуации и окружающей обстановки. В широком смысле право на неприкосновенность частной жизни принято понимать как своего рода линию, за которой физическое лицо ограждено от вмешательства общества в его личные дела. Единого понимания, что включается в право на неприкосновенность частной жизни, до сих пор не существует, высказывают различные мнения, что может входить в это право и где находятся его пределы¹³.

Встречаются следующие определения этого права:

- в 1890 году судья Верховного суда США Луис Брендейс определил право на частную жизнь как «право остаться в одиночестве», по его мнению, это право должно являться наиболее охраняемой свободой в демократическом обществе, и поэтому должно было быть закреплено на высшем уровне – в конституции¹⁴;

- Алан Вестин (профессор права Колумбийского университета, США) в 1967 году в своей работе «Privacy and Freedom» определил право на частную жизнь как возможность людей свободно выбирать, при каких обстоятельствах и до какого предела открывать себя и свои отношения с другими людьми¹⁵;

- по мнению Рут Гавизон (профессор права в Еврейском университете Иерусалима), частная жизнь обладает тремя

свойствами: секретностью, анонимностью и уединением, эти свойства могут быть утрачены как в результате действия самого лица, так и в результате действий других лиц¹⁶;

- Дэвид Калькут, британский адвокат и общественный деятель, определил право на неприкосновенность частной жизни как право индивидуума на защиту от вмешательства в его личную жизнь и дела или жизнь и дела членов его семьи путём непосредственного физического воздействия либо при помощи распространения информации¹⁷.

Существуют и другие взгляды на то, как следует понимать право человека на неприкосновенность частной жизни, какие составляющие элементы в него включаются, где это право заканчивается и начинается господство общественных интересов. В любом случае общим элементом, по которому большинство авторов пришли к согласию, является противопоставление частной жизни публичным отношениям и допустимость вмешательства общества или третьих лиц в жизнь физического лица только в действительно важных случаях, когда общественные интересы начинают превалировать над правом физического лица на неприкосновенность частной жизни¹⁸.

Поскольку специалистам не удалось достигнуть единого мнения по поводу содержания права на неприкосновенность частной жизни, была предпринята попытка решить проблему с другой стороны – определить, какие действия приводят к нарушению этого права. Профессор права из Университета Джорджа Вашингтона Дэниэл Солов приводит следующие случаи, когда происходит нарушение права физического лица на неприкосновенность частной жизни:

- а) вторжение в личное пространство, нарушение стремления к уединению;
- б) публичное разглашение личной информации, которую физическое лицо желало бы сохранить в тайне;
- в) распространение информации о физическом лице, которая могла бы сформировать в обществе неправильное представление об этом лице¹⁹.

Обобщая приведённые выше нормы права и сформулированные в научной литературе представления о содержании права физического лица на неприкосновенность частной жизни, приходится заключить, что, несмотря на

тщательно разработанные процедуры защиты данных физических лиц, широкую и тщательно проработанную нормативную базу, включающую международные конвенции, региональные нормативные акты и национальное законодательство, предмет защиты данных физических лиц до конца не ясен и оставляет широкое поле для субъективных интерпретаций. Получается, что субъекты рассматриваемых правоотношений должны самостоятельно определять, являются ли обрабатываемые данные настолько существенными, что нарушение правил их обработки приведёт к нарушению одного из основных прав человека – права на неприкосновенность частной жизни. Ведь большое количество данных, собираемых, например, при осуществлении видеонаблюдения в публичном месте, не нарушают права субъекта данных, не ограничивают его гарантированные законом свободы и охраняемые законные интересы. Лицо, находясь в публичном месте, где ведётся видеонаблюдение, фактически самим своим присутствием отказывается от анонимности, секретности и уединения, во всяком случае, относительно факта своего присутствия в данном месте.

Обработка персональных данных может вестись с различными целями: государственные учреждения обрабатывают их для реализации задач, возложенных на них законом, коммерческие предприятия ведут обработку персональных данных в рамках своей хозяйственной деятельности. Обработка персональных данных должна соответствовать общим принципам, сформулированным в 5-й статье Регламента, при этом она считается обоснованным и соразмерным ограничением основных прав человека.

Сравнивая приведённые выше заключения, следует отметить, что право физического лица на неприкосновенность частной жизни нарушается либо при прямом физическом вмешательстве в жизнь конкретного человека (что в зависимости от конкретных обстоятельств может быть уголовным преступлением, административным правонарушением либо действием компетентных должностных лиц) или при распространении собранных данных. Остальные аспекты обработки – сбор данных, их анализ и хранение – сами по себе не могут породить негативных последствий для личности.

Административная и гражданско-правовая ответственность за нарушения в области обработки персональных данных

Косвенным подтверждением мнения, что сбор и обработка данных физических лиц сами по себе не затрагивают существенные права и законные интересы субъектов данных, является акцент, сделанный законодателем на административной ответственности за невыполнение требований закона.

В Кодексе об административных правонарушениях Латвии предусмотрена ответственность за несоблюдение предписанных процедур по сбору, обработке, хранению, использованию и распространению данных физических лиц²⁰. Составы нарушений и соответствующие им административные наказания описаны в статьях Кодекса об административных правонарушениях с 204.⁷ по 204.¹¹. Санкции по данным правонарушениям на сегодняшний день предусматривают наложение денежных штрафов, а в некоторых случаях и конфискацию устройств, при использовании которых были нарушены требования законодательства о защите данных физических лиц. Следует отметить, что вступающий в силу с 25 мая 2018 года Регламент также предусматривает административную ответственность, однако размеры возможных штрафов существенно увеличиваются.

Действия, направленные на получение данных физического лица и сопряжённые с незаконным доступом к информации, например, незаконное ведение оперативной деятельности, сами по себе являются предметом регулирования уголовного права, ответственность за них предусмотрена нормами уголовного или административного законодательства и не имеет непосредственного отношения к правам субъекта данных.

Регламент указывает, что лицо, осуществляющее обработку данных физических лиц несёт также и материальную ответственность за материальный ущерб и моральный вред, причинённый в результате нарушений требований нормативных актов о защите данных физических лиц. Следовательно, лицо, которое осуществляет обработку данных, несёт ответственность перед субъектом данных в порядке, предусмотренном статьёй

1779 Гражданского закона Латвийской Республики. Тем не менее при регистрации своей деятельности этому лицу не вменяется в обязанность застраховать свою гражданско-правовую ответственность, как это происходит с рядом других лиц, осуществляющих специфическую деятельность.

В статье 25 «Закона об охранной деятельности» Латвийской Республики вменяется в обязанность коммерсанту, получившему специальное разрешение (лицензию) на оказание услуг физической охраны, технической охраны или услуг инкассации, застраховать свою гражданско-правовую ответственность за возможный материальный ущерб, который может быть причинён жизни, здоровью и имуществу третьего лица по вине (в результате действия или бездействия) этого коммерсанта²¹. Более того, данная норма накладывает на коммерсанта обязанность информировать компетентное государственное учреждение, выдающее лицензию, о заключении такого договора о страховании. Помимо прочего этот закон также оговаривает принципы, по которым определяется размер причинённого ущерба, порядок выплаты компенсации и даже предписывает Кабинету министров посредством специальных подзаконных актов определить минимальный лимит ответственности, на который коммерсант обязан застраховать свою ответственность (согласно правилам Кабинета министров № 58 от 3 февраля 2015 года «Правила об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности в охранной деятельности» минимальный лимит ответственности определяется на уровне 142 000,00 евро).

В статье 29 «Закона о неплатёжеспособности» оговаривается материальная ответственность администратора процесса неплатёжеспособности за ущерб, который по его вине причинён государству, должнику, кредиторам или третьим лицам²². Статья 31 этого закона накладывает на администратора неплатёжеспособности обязанность застраховать свою гражданско-правовую ответственность. Правила Кабинета министров № 1005 от 26 октября 2010 года «Правила о порядке страхования гражданско-правовой ответственности администратора неплатёжеспособности и минимальной сумме страхования» устанавливают минимальный лимит ответственности администратора процесса

неплатёжеспособности на уровне 42 600,00 евро, при этом полностью исключая возможность предусмотреть в страховом договоре самориск администратора.

Статья 20 «Закона о строительстве» предусматривает, что лицо, которое осуществляет строительные работы, обязано застраховать свою гражданско-правовую ответственность за материальный ущерб и моральный вред, который в результате его действия или бездействия причинён жизни, здоровью и имуществу третьих лиц²³. Более того, наличие подобного полиса страхования гражданско-правовой ответственности является обязательным условием для получения разрешения на строительство, причём полис должен действовать либо продлеваться в течение всего времени, пока выполняются строительные работы, вплоть до их завершения. Кроме того, в части 10 статьи 13 «Закона о строительстве» предусматривается и обязанность отдельных строительных специалистов самостоятельно застраховать свою гражданско-правовую ответственность, что также является обязательным условием для получения соответствующего сертификата и продления его действия.

В действующем законодательстве можно без труда найти и другие примеры, когда лицо, осуществляющее определённую деятельность, обязано застраховать свою гражданско-правовую ответственность, чтобы гарантировать выплату компенсации за причинённый ущерб. Во всех этих случаях законодатель ясно понимает, какой ущерб и в результате каких действий или бездействия может быть причинён, понятен механизм оценки этого ущерба, есть возможность установить причинно-следственную связь между фактом его нанесения и действиями или бездействием виновной стороны.

В случае с обработкой данных персональных лиц этого не происходит, нет ни пригодного для использования и понятного инструмента, чтобы точно оценить материальный ущерб или моральный вред, ни требования гарантировать способность его возместить. Статья 82 Регламента содержит норму, согласно которой физическое лицо, права которого нарушены в ходе несоответствующей требованиям закона обработки данных физических лиц, может требовать соответствующую компенсацию. Однако, нет никаких указаний, как это лицо

может рассчитать размер причинённого вреда.

Таким образом, субъект данных, чьи права были нарушены противоправными действиями со стороны лица, осуществляющего обработку данных физических лиц, и желающий получить соответствующую материальную компенсацию, сталкивается с необходимостью рассчитать и обосновать причинённый ему вред. Единственная практически осуществимая возможность, которая остаётся – это требование компенсации морального вреда, порядок взыскания которого предусмотрен частью третьей статьи 1635 Гражданского закона Латвийской Республики²⁴. Но и здесь физическое лицо вынуждено ожидать, пока компетентное государственное учреждение примет решение о признании лица, причинившего вред, виновным в совершении административного правонарушения, а также пока это решение вступит в законную силу, либо полагаться на субъективное мнение суда, который будет рассматривать вопрос о том, был ли вред причинён и какая компенсация может считаться справедливой. Суд же, рассматривая такой иск, должен учитывать, на каком этапе обработки данных были допущены нарушения – на этапе сбора, обработки или распространения.

На сегодняшний день сформировалась определённая судебная практика, относящаяся к вопросам обработки персональных данных. Однако, анализируя судебные решения, придётся прийти к выводу, что суды ставят перед собой задачу определить, было ли допущено нарушение существующего порядка обработки персональных данных, в то же время вопрос о тяжести допущенного нарушения и его влиянии на личность не рассматривается.

12 мая 2016 года Конституционный суд Латвийской Республики рассмотрел дело № 2015-14-0103²⁵. Предметом спора было несоответствие законодательства о национальной базе ДНК требования 96-й статьи Конституции Латвии. В ходе судебного разбирательства большое внимание было уделено вопросу о соразмерности ограничения права на неприкосновенность частной жизни.

Для определения соразмерности Конституционный суд посчитал необходимым оценить два аспекта: во-первых, являлась ли цель, с которой ограничивалось право на

неприкосновенность частной жизни, легитимной, во-вторых, можно ли было достигнуть ту же цель методами, которые в меньшей степени ограничивали бы это право, наконец, в-третьих, является ли благо, приобретаемое обществом, большим, чем вред, причинённый конкретной личности. Чтобы ответить на последний вопрос, Конституционный суд посчитал необходимым проверить, соответствуют ли оспариваемые нормы общим принципам обработки персональных данных. При этом суд совершенно не рассматривал, какие именно негативные последствия могут наступить для личности в результате допущенного нарушения, насколько серьёзными они могут оказаться. Для рассмотрения дела важным оказался только факт возможного нарушения предписанных процедур и общих принципов обработки персональных данных.

Практика рассмотрения дел, касающихся нарушения права на неприкосновенность частной жизни существует и на уровне Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). 29 апреля 2014 года ЕСПЧ рассмотрел дело № 52019/07 (case of L.H. v. Latvia)²⁶. Причиной спора был порядок, в котором Инспекция по контролю за качеством медицинских услуг обрабатывала информацию о лечении пациентов в медицинских учреждениях Латвии. В ходе рассмотрения дела ЕСПЧ сделал основной акцент на несоблюдении Латвией общих принципов обработки данных – информация медицинского характера собиралась без учёта того, насколько те или иные данные необходимы для достижения легитимной цели, стоящей перед государственным учреждением. В этом случае ЕСПЧ указал, что заявитель мог испытать стресс и беспокойство в результате необоснованной обработки его медицинских данных, однако более тщательного анализа возможных негативных последствий, которые наступили или хотя бы могли наступить в результате обработки персональных данных в этом случае, не проводилось.

Аналогичная ситуация видна при анализе и других решений ЕСПЧ, Конституционного суда Латвийской Республики и судов других инстанций. В центре внимания суда находится возможное нарушение предписанных процедур и соблюдение общих принципов обработки персональных данных. Конкретные последствия, степень вмешательства в личную жизнь, размер причинённого вреда не рассматриваются.

Можно предположить, что дела, рассматриваемые на уровне Конституционного суда или ЕСПЧ по своей сути не требуют детального изучения возможных последствий, поскольку их задачей является проверить соответствие существующего нормативного регулирования высшим нормативным актам – конституции страны и международным соглашениям. Может быть, при рассмотрении конкретных споров между субъектами данных и теми, кто обрабатывает персональные данные, суд всё-таки учитывает возможные негативные последствия, которые может повлечь нарушение права на неприкосновенность частной жизни?

8 апреля 2016 года Департамент по административным делам Верховного суда Латвийской Республики принял решение в деле A420617410 (SKA –15/2016)²⁷. Рассматривая вопрос о правомерности обработки персональных данных Верховный суд аналогично Конституционному суду и ЕСПЧ постарался выяснить, соответствовали ли действия лица, которое обработало персональные данные общим принципам обработки, заложенным в нормативных актах, имела ли обработка законное основание. Суд никак не оценивал, мог ли быть причинён субъекту данных вред, в чём бы он мог заключаться. Как и в ранее рассмотренных случаях для суда решающее значение имело соблюдение формальных требований при обработке персональных данных, но наличие или отсутствие конкретных негативных последствий для субъекта данных.

Заключение

Подводя итоги, отметим следующее. Целью правового регулирования защиты данных физических лиц является защита основных прав и свобод субъекта данных, прежде всего защита его права на неприкосновенность частной жизни. Несмотря на общепризнанную и неоспоримую важность этого права и безусловную необходимость его охраны, на сегодняшний день нет чёткого определения этого права, не определены его содержание и пределы, а значит, для участников правоотношений существует широкое поле для интерпретации обстоятельств сложившейся ситуации. Субъект данных, рассчитывая на компенсацию морального вреда, будет заинтересован видеть в

допущенных нарушениях серьёзное вторжение в его частную жизнь. Второй же участник спора – лицо, которое осуществляло сбор и обработку данных, будет стараться доказать, что никакого нарушения неприкосновенности частной жизни не произошло, а было лишь формальное несоблюдение процедуры обработки данных.

Существующее нормативное регулирование устанавливает общие принципы обработки персональных данных. 5-я статья Регламента гласит, что персональные данные необходимо обрабатывать законно (с соблюдением требований 6-й статьи Регламента), только для целей, для которых они были собраны (исключение делается для научных, исторических, статистических целей), минимально (обрабатывая только ту информацию, которая объективно нужна для достижения целей обработки данных), точно (персональные данные не должны искажаться, а при обнаружении ошибки несоответствие следует немедленно устранить), данные следует хранить минимально возможное время и обеспечить их безопасность.

Из логики нормативных актов, регулирующих обработку персональных данных, следует, что сбор и обработка данных физических лиц сами по себе хотя и не причиняют никакого вреда (а значит, нет и необходимости путём обязательного страхования гражданско-правовой ответственности гарантировать компенсацию возможного ущерба), всё же представляют потенциальную угрозу правам и свободам субъектов данных. Нормативные акты, регулирующие обработку данных физических лиц, ориентированы именно на предотвращение потенциального ущерба. Однако следует заметить, что ни в нормативно-правовых актах, ни в существующий судебной практике не учитываются конкретные или потенциально возможные последствия того или иного нарушения процедуры обработки персональных данных, фактически причинённый лицу ущерб никак не влияет на степень ответственности и размер штрафа, накладываемого на нарушителя. Закон предусматривает ответственность только за формальное нарушение предписанной процедуры, а возможные последствия или их отсутствие могут никак не повлиять на назначенное наказание – этот вопрос полностью оставлен на усмотрение суда.

Возникает ситуация, в которой законодатель не предоставил суду практически никаких инструментов для оценки тяжести нарушения права на неприкосновенность частной жизни, будь то количественные или качественные критерии. Единственная градация данных, которая каким-то образом может помочь суду сориентироваться в ситуации – это выделение категории данных, ранее называвшаяся чувствительными данными, сейчас же регулируемая специальными нормами статьи 9 Регламента. Суд же, несмотря на предоставленную ему компетенцию, не стремится углубляться в анализ конкретных нарушений права на неприкосновенность частной жизни, оценивать возможные последствия такого нарушения для конкретного субъекта данных, но лишь ограничивается проверкой соблюдения формальной процедуры.

Представляется, что исправить ситуацию, по крайней мере, на национальном уровне в Латвии могло бы включение в Закон об обработке персональных данных от 4 июля 2018 года 38-й статьи, которая оговаривала бы обязанность суда при рассмотрении дел о связанных с обработкой персональных данных нарушениях и определении наказания за такие нарушения выяснять, повлекла ли незаконная обработка персональных данных конкретные негативные последствия для субъекта данных. Таким образом законодатель направил бы внимание суда на необходимость исследования этой проблемы, что способствовало бы формированию соответствующей судебной практики и последующему улучшению качества нормативно-правового регулирования защиты персональных данных.

Ссылки

- ¹ Universal Declaration of Human Rights. 10th December 1948, General Assembly resolution 217A.
- ² International Covenant on Civil and Political Rights. 16th December 1966, General Assembly resolution 2200A.
- ³ Par Latvijas Republikas pievienošanas starptautisko tiesību dokumentiem cilvēktiesību jautājumos. Augstākās Padomes 04.05.1990. deklarācija / Ziņotājs, 21, 24.05.1990.
- ⁴ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. 4th November 1950.
- ⁵ Šmite D., Dosbergs D., Borzovs J. Informācijas un komunikācijas tehnoloģijas nozares tiesību un standartu pamati. Latvijas Universitāte, 2005., 72. lpp.

- ⁶ Treaty on European Union. OJ C 326, 26.10.2012.
- ⁷ Charter of Fundamental Rights of the European Union. OJ C 326/391, 26.10.2012.
- ⁸ Fizisko personu datu aizsardzības likums. 23.03.2000. likums/LV, 123/124 (2034/2035), 06.04.2000., Ziņotājs, 9, 04.05.2000. Zaudējis spēku.
- ⁹ Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīva 95/46/EK par personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti. Oficiālais Vēstnesis L 281, 23/11/1995, 0031. – 0050. lpp.
- ¹⁰ Eiropas parlamenta un Padomes Regula (ES) 2016/679 par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti un ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula), OV L 119, 4.5.2016., 1./88.
- ¹¹ Fizisko personu datu apstrādes likums. “Latvijas Vēstnesis”, 132 (6218), 04.07.2018.
- ¹² Likumprojekts “Personas datu apstrādes likums”. https://www.tm.gov.lv/files/11_MjAxNy9UTUxpa18xMDA5MTdfZGF0aS5kb2N4/2017/TM-Lik_100917_dati.docx
- ¹³ Privacy and Human Rights. An international Survey of Privacy Laws and Developments. Electronic Privacy Information Center, Washington, DC, 2001, p. 3.
- ¹⁴ Warren S., Brandeis L. The right to Privacy. Harvard Law Review 193-220 (1890), from Privacy and Human Rights. An international Survey of Privacy Laws and Developments. Electronic Privacy Information Center, Washington, DC, 2001, p. 4.
- ¹⁵ Alan F. Westin. Privacy and Freedom. Athenaeum, 1967, from Privacy and Human Rights. An international Survey of Privacy Laws and Developments, Electronic Privacy Information Center, Washington, DC, 2001, p. 4.
- ¹⁶ Privacy and the Limits of Law. Yale Law Journal. 421, 4528 (1980), from Privacy and Human Rights. An international Survey of Privacy Laws and Developments, Electronic Privacy Information Center, Washington, DC, 2001, p. 4.
- ¹⁷ Carter-Ruck P. F. The Calcutt Report of the Committee on Privacy and Related Matters. International legal practitioner, 1990. <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ilp15&div=31&id=&page=>
- ¹⁸ Gonzales Fuster G. The emergence of personal data protection as a fundamental right of the EU. Springer, London, 2014, p. 24.
- ¹⁹ Solove D. J. Understanding Privacy. Cambridge, Harvard University Press, p. 101.
- ²⁰ Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss. 07.12.1984. likums/Ziņotājs, 51, 20.12.1984.
- ²¹ Apsardzes darbības likums. 13.02.2014. likums/LV, 47 (5107), 06.03.2014.
- ²² Maksātnešpējas likums. 26.07.2010. likums/LV, 124 (4316), 06.08.2010.
- ²³ Būvniecības likums. 09.07.2013. likums/LV, 146 (4952), 30.07.2013.
- ²⁴ Civillikums. 28.01.1937. likums/Valdības Vēstnesis, 41, 20.02.1937.
- ²⁵ 2.05.2016. Latvijas Republikas Satversmes tiesas Spriedums lietā Nr.2015-14-0103, http://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2017/05/2017-15-01_Spriedums-1.pdf.

- ²⁶ Case of L.H. v. Latvia, Application no. 52019/07. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22:%5B%2252019%2F07%22%5D,%22itemid%22:%5B%22001-142673%22%5D%7D>.
- ²⁷ 08.04.2016 Latvijas Republikas Augstākās tiesas Administratīvo lietu departamenta. Spriedums lietā Nr.A420617410. <http://at.gov.lv/files/files/15-ska-2016.doc>.

Anotācija

Līdz ar informācijas tehnoloģiju attīstību strauji attīstās arī personu datu apstrādes tehnoloģijas. Šo tehnoloģiju pieejamība un vieglas izmantošanas iespējas izraisa fizisko personu datu apstrādes plašu izmantošanu fizisko personu, organizāciju un sabiedrības dzīvē. Fizisko personu dati kļūst par ekonomiskās aprites priekšmetu, līdz ar to rodas nepieciešamība aizsargāt šo datu subjektus no datu nelikumīgas izmantošanas pretēji šo personu tiesībām un interesēm. Neskatoties uz problēmas aktualitāti, apsargājamo pamattiesību un brīvību jēdziens nav precīzi definēts, kā rezultāta tiesisko attiecību dalībnieki centīsies iztulkot šo jēdzienu atkarībā no savām vajadzībām, kas var izraisīt strīdus. Ja netiek ievērota noteiktā procedūra, likums noteic administratīvo atbildību par pārkāpumiem fizisko personu datu apstrādes jomā. Tajā pašā laikā nav noteikts speciāls fiziskām personām nodarīto zaudējumu atlīdzināšanas tiesiskais regulējums. Pastāv nepieciešamība konkretizēt tiesību normas, kas regulē fizisko personu datu apstrādi.